

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН
1917–1921

Марина Цветаева

TEXT

archives équivalences

poèmes

2003

Источники:

G. P. STRUVE (ed.) М. И. Цветаева *Лебединый стан, Стихи 1917–1921 гг.*, Мюнхен, 1957 г.

R. KEMBALL (ed., trs.) М. Tsvetaeva *The demesne of the swans*, Ardis, Ann Arbor MI, 1980

* * *

«Русская мысль», Париж, N 4272, 3 июня 1999 г. (Рашит Янгиров)

«Русская мысль», Париж, N 4277, 8 июля 1999 г. (Робин Кембалл)

(«Мир Марины Цветаевой» <tsvetaeva.da.ru>. Координатор проекта: Ф. Левичев.)

© 2001–2003 ADRIAN REZUS (Nijmegen, The Netherlands) [EDITION]

© 2003 ÉQUIVALENCES [PDFL^AT_EX – HYPERSCREEN]

TYPESET BY L^AT_EX 2_ε [BABEL] IN *literaturnaya* © 1999 PARAGRAPH INTERNATIONAL

PRINTED IN THE NETHERLANDS – JUNE 4, 2001

REVISED REPRINT – JULY 15, 2003 [15 июля 2003 г.]

Марина Ивановна Цветаева

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

Стихи 1917–1921 гг.

Мюнхен [München]

1957 г.

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

* * *

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

* * *

Над церковкой — голубые облака,
Крик вороний...
И проходят — цвета пепла и песка —
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нет лиц у них и нет имен, —
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

Москва, 2 марта 1917

ЦАРЮ – НА ПАСХУ

Настежь, настежь Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.

Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят – трон.

Москва, 2 апреля 1917, первый день Пасхи

* * *

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, мать
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексея!

4 апреля 1917, третий день Пасхи

* * *

Чуть светает —
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы —
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.

В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы

Выползают на свет Божий —
Гроши нищие,
Гроши осторожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры —
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего — Николая.

Так, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

* * *

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

26 мая 1917

(Бальмонт, выслушав: – Мне не нравится – твое презрение к девке! Я – обижен за девку! Потому что – (блаженно- заведенные глаза) – иная девка... Я: – Как жаль, что я не могу тебе ответить: – «Как и иной солдат...»)

* * *

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.
Кому-то гремят раскаты:
— Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом —
Солдатский крест! [*]

Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917, Троицын день

[*] Крест, на каком-то собрании, сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г. — М. Ц.

* * *

Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.

На ревнителй бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска — бел.
Не забуду — а ты не вспомнишь —
Как один на тебя глядел.

6 июня 1917

(NB! с ненавистью — как мне тогда показалось, и весь этот стих — ответ на этот классовый ненависти — взгляд. — М. Ц. — 1938 г. — при переписке.)

ЮНКЕРАМ, УБИТЫМ В НИЖНЕМ

Сабли взмах —
И вздохнули трубы тяжко —
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка —
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал — душу.
Гул — смолк.
— Слуша — ай! На — кра — ул!

Три фуражки.
Трубный звон.
Рвется сердце.
— Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру —

В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
Доброй ночи —
Вам, разорванные в клочья —
На посту!

17 июля 1917

Ночь. — Норд-Ост. — Рев солдат. — Рев волн.
Разгромили винный склад. — Вдоль стен
По канавам — драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое — в ночи — пенье птиц.
Царский памятник вчерашний — пуст,
И над памятником царским — ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир — наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая — пьет.

В винном облаке — луна. — Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу — веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

Феодосия, последние дни Октября

(NB! Птицы были – пьяные.)

* * *

Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опущу.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

Феодосия, конец октября

КОРНИЛОВ

...Сын казака, казак...
Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.
— Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...

4 декабря 1917

ВВ! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдаты должны чистить своих лошадей!» (Москва, лето 1917 г. — речь на Московском Совещании) — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили.)

МОСКВЕ

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? — Румянец,
Красавица? — Разумница, — где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову, твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стойла.
Всё вынесут кремлевские бока.

9 декабря 1917

2

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? — Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? — Далече.

— Голубочки где твои? — Нет корму.
— Кто унес его? — Да ворон черный.
— Где кресты твои святы? — Сбиты.
— Где сыны твои, Москва? — Убиты.

10 декабря 1917

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны — поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плётток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

* * *

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!
В чертову дюжину — календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!
Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит — Расу:
Черная кость — белую кость.

Москва, 22 марта 1918, Первый день весны

ДОН

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

24 марта 1918

2

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были вы? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

30 марта 1918

NB! мои любимые.

Волны и молодость — вне закона!
Тронулся Дон. — Погибаем. — Тонем.
Ветру веков доверяем снести
Внукам — лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!
Белая гвардия — да! — погибла.
Но покидая детей и жен,
Но уходя на Дон,

Белою стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!
Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать — векам.

Москва, Благовещение 1918 — дни разгрома Дона —

* * *

Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия
Российского — где судьбы мира скрыты —
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
— Россия! — Мученица! — С миром — спи!

30 марта 1918

* * *

Трудно и чудно — верность до гроба!
Царская роскошь — в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, —
Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татаринoм рыщет вольность,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами — рев застольный
Беглых солдат и неверных жен.

11 апреля 1918

* * *

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть — святыни — всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому — запрета нет на Кремль!

Страстной понедельник, 1918

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

1

Андрей Шенье взошел на эшафот.
А я живу — и это страшный грех.
Есть времена — железные — для всех.
И не певец, кто в порохе — поет.

И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни — живет.

17 апреля 1918

2

Не узнаю в темноте
Руки — свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия.

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадётся как тать.
Я дописать не успею.

17 апреля 1918

* * *

Коли в землю солдаты всадили — штык,
Коли красною тряпкой затмили — Лик, [1]
Коли Бог под ударами — глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль —

Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином, [2]

Реки — жечь, мертвецов выносить — в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить — простых. [3]

3-ий день Пасхи 1918

[1] Красный флаг, к-ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение известно. — М. Ц.

[2] Поили: г-жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось «la miaulée». И жила, кажется, до 90-ста лет. Но была ужасная лицемерка. — М. Ц.

[3] Любили. — М. Ц.

* * *

Это просто, как кровь и пот:
Царь – народу, царю – народ.

Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий – Дух.

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет –
Это свято, как кровь и пот.

*7 мая 1918, 3-ий день Пасхи
(а оставалось ему жить меньше трех месяцев!)*

* * *

Орел и архангел! Господень гром!
Не храм семиглавый, не царский дом
Да будет тебе гнездом.

Нет, — Красная площадь, где весь народ!
И — Лобное место сравняв — в поход:
Птенцов — собирать — сирот.

Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! — Орел! — Гряди!

Не зарева рыщут, не вихрь встает,
Не радуга пышет с небес, — то Петр
Птенцам производит смотр.

7 мая 1918, третий день Пасхи

* * *

Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. — Так надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им — живот.
Страж роковой Москвы — сойди с ворот!

И докажи — народу и дракону —
Что спят мужи — сражаются иконы.

* * *

Бог — прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,

Вором и гадом,
Мором и голодом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.

Попранным Словом.
Проклятым годом.
Пленом царёвым.
Вставшим народом.

12 мая 1918

(NB! Очевидно, нужно понять: Бог всё-таки прав, прав — вопреки.)

* * *

Семь мечен пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

25 мая 1918

* * *

Мракобесие. — Смерч. — Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой — не спи!
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет — Честь.

Обведите свой дом — межой,
Да не внидет в него — Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы —
Выше — прадедовы дубы!

6 июня 1918

* * *

Белизна — угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом — а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится — волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество — в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу — Белый полк!

7 июля 1918

* * *

– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А вороны? – А вороны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.

– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый Дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь...

9 августа 1918

* * *

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!

9 августа 1918

* * *

Надобно смело признаться. Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность — царствам,
Не доверяют Шатра — ветрам.

Знаешь царя — так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величию — вине — беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность — Хану,
Не присягают его орде.

Ветреный век мы застали. Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы — иные флаги!
Мы ж остаемся верны присяге,
Ибо дурные вожди — ветра.

14 августа 1918

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

18 августа 1918

* * *

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя — мир,
В наследье — лазурь.

Отыйди, отыйди. Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

8 сентября 1918

* * *

Колыбель, овеянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат – вдоль храмов – за вечерней...
А ребенок вырастет – прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа – и флага,
Русский гимн – и русские пространства.

В нужный день, на Божьем солнце ясном,
Вспомнит долг дворянский и дочерний –
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, овеянная красным!

8 сентября 1918

(Моя вторая дочь Ирина – родилась 13-го апреля 1917 г., умерла 15 февраля 1920 г. в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.)

* * *

Ты дал нам мужества —
На сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.
И ребра — стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить — Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял —
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту —
Дабы снести нам
Твои щедроты!

30 сентября 1918

* * *

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди — ценою в три угодья —
Господом пожалованный орден.

Нынче праздник слуг нелицемерных:
Целый дождь — в подхваченные полы!
Это Царь с небесного престола
Орденами оделяет — верных.

Руки прочь, народ! Моя — добыча!
И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца — лист кленовый.

8 октября 1918, Сергиев День

* * *

Над черною пучиной водною —
Последний звон.
Лавиною престонародною
Низринут трон.

Волочится кровавым волоком
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!

Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
— Царствие! — Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

9 октября 1918, день Иоанна Богослова

* * *

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне — белы-лебеди!

Знамя, шитое крестами, в саван выцвело
А и будет ваша память — белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! — не воротится.
А ведет ваши полки — Богородица!

25 октября 1918

* * *

Царь и Бог! Простите малым —
Слабым — глупым — грешным — шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, —

Царь и Бог! Жестокою казнию
Не казните Стеньку Разина!

Царь! Господь тебе оплатит!
С нас сиротских воплей — хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, — прости Разбойнику!

В отчий дом — дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!

Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удаль несуразную —
Развяжите Стеньку Разина!

Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!

Царь и Бог! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина!

Москва, 1-ая годовщина Октября

Дни, когда Мамонтов подходил к Москве — и вся буржуазия меняла керенские на царские — а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и), потому что знала, что не войдет в Столицу — Белый Полк!

ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА

*A Dieu – mon âme
Mon corps – au Roy,
Mon coeur – aux Dames,
L'honneur – pour moi. [1]*

1

Не от запертых на семь замков пекарен
И не от заледенелых печек –
Барским шагом – распрямляя плечи –
Ты сошел в могилу, русский барин!

Старый мир пылал. Судьба свершалась. –
Дворянин, дорогу – дровосеку! [2]
Чернь цвела... А вблизи тебя дышалось
Воздухом Осьмнадцатого Века.

И пока, с дворцов срывая крыши,
Чернь рвалась к добыче вожденной –
Вы *bon ton, maintien, tenue* [3] – мальчишек
Обучали – под разгром вселенной!

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились — от дворянской скуки! —
В черном царстве трудовых мозолей —
Ваши восхитительные руки.

Москва, март 1919

(NB! Даже труд может быть — отвратителен: даже — чужой! если он в любовь — навязан и в славословив — вменен. — М. Ц. — тогда и всегда.)

[1] Господу — мою душу,
Тело мое — королю,
Сердце — прекрасным дамам,
Честь — себе самому (фр.).

[2] NB! Если бы дровосеку! — М. Ц.

[3] Правила хорошего тона, осанка (фр.).

Высокой горести моей —
Смирненные следы:
На синей варежке моей —
Две восковых слезы.

В продрогшей церковке — мороз,
Пар от дыханья — густ.
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
— Смирнее всего —
Среди других дымков — дымок
Дыханья моего?

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный — простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

АЛЕ

В шитой серебром рубашечке,
— Грудь как звездами унизана! —
Голова — цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи — два пустынных озера,
Два Господних откровения —
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел — ничего — всё! — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне —
Тоже Ангела и Воина.

Может — всё мое достоинство —
За руку с тобою странствовать.
— Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

18 июля 1919

С. Э.

Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилою водят,
Сердце — имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому —
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому —
Не по дереву — пилою.

И чуют, чуют пилою
Руки — вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

* * *

Дорожкой простонародною,
Смиренною, богоугодною,
Идем — свободные, немодные,
Душой и телом — благородные.

Сбылися древние пророчества:
Где вы — Величества? Высочества?

Мать с дочерью идем — две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может — вздох от нас останется,
А может — Бог на нас оглянется...

Пусть будет — как Ему захочется:
Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом — благородные,
Дорожкой простонародною —
Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества —
Где мы. — Величества, Высочества.

(Вписываю во памяти и думаю, что осень 1919 г.)

БАЛЬМОНТУ

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять — скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым —
Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
– Царь! На пиршестве народа
Голодали – как гидальго!

Ноябрь 1919

1920

1

Кремлю:

Над твоим черноголовым верхом
Вороны кружат...

— —

Ты уходишь день, не открыв Кремля.
Ты плывешь в колокольном звоне...
Из Двадцатого Года уходишь ты,
Вербное Воскресенье

Благовещенье — внук твой — откроет реку...
— Из Двадцатого года, из Двадцатого века...

(Алины стихи — Москва, весна 1920 г.)

* * *

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно — перекричать разлуку —
Я голос сорвала.

Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она — свечой под праздник
Вот так: из длани в длань.

О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь — с Севера на Юг.

Москва, февраль 1920

БЛОКУ

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов [*].

И вот, в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим

— Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как — вернее всех — ту, глубже всех

В ночь канувшую — на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия!

И вдоль виска — потерянным перстом —
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как не встанет...

Так, узником с собой наедине,
(Или ребенок говорит во сне?)

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

Апрель 1920

[*] Достоверно: под звуки взрывов с Ходынки и стекольный дождь, под к-ым шли — он на эстраду, мы — в зал. Но, помимо этой достоверности — под рокот рвущихся снарядов Революции. — М. Ц.

ЕХ – СИ-DEVANT [*] (отзвук Стаховича)

Хоть сто мозолей – трех веков не скроешь!
Рук не исправишь – топором рубя!
О, откровеннейшее из сокровищ:
Порода! – узнаю Тебя,

Как ни коптись над ржавой сковородкой –
Всё вокруг тебя твоих Версалея – тишь.
Нет, самую косою косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Над снежным валом иль над трубной сажей
Дугой согбен, все ж – гордая спина!
Не окриком, – все той же барской блажью
Тебе работа задана.

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос –
Все равенство нарушит – нос горбатый:
Ты – горбонос, а он – курнос.

Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет — в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда — Царицы длань.

Июль 1920

[*] Здесь: бывшему из бывших (фр.).

ПЕТРУ

Вся жизнь твоя — в едином крике:
— На дедов — за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, —
Бесам на торжество! —
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б — все по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок. [*]

Не ладил бы, лба не подъемля,
Ребятчих кораблѐв —
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Ты под котел кипящий этот —
Сам подложил углей!
Родоначальник — ты — Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник — ты — развалин,
Тобой — скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Соль высолил, измылил мыльце —
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть — сестра... —
На Интернационал — за терем!
За Софью — на Петра!

Август 1920

[*] В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке. — М. Ц.

* * *

Есть в стане моем — офицерская прямоть,
Есть в ребрах моих — офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!

Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный ремённый кушак.

А зорю заслышу — Отец ты мой родный! —
Хоть райские — штурмом — врата!
Как будто нарочно для сумки походной —
Раскинутых плеч широта.

Всё может — какой инвалид ошалелый
Над люлькой мне песенку спел...
И что-то от этого дня — уцелело:
Я слово беру — на прицел!

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет — корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.

Сентябрь 1920

(NB! Эти стихи в Москве назывались «про красного офицера», и я полтора года с неизменным громким успехом читала их на каждом выступлении по неизменному вызову курсантов.)

* * *

Об ушедших — отошедших —
В горный лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный —
Голубиный — лебединый —

О тебе, моя высь,
Говорю, — отзовись!

О молодых дубовых рощах,
В небо росших — и не взрослых,
Об упавших и не вставших, —
В вечность перекочевавших, —

О тебе, наша Честь,
Воздыхаю — дай весть!

Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных —
Сколько у меня любимых!

Я на красной Руси
Зажилась – вознеси!

Октябрь 1920

(ВЗЯТИЕ КРЫМА)

И страшные мне снятся сны:
Телега красная,
За ней – согбенные – моей страны
Идут сыны.

Золокудрого воздев
Ребенка – матери
Вопят. На паперти
На стяг
Пурпуровый маша рукой беспалой,
Вопит калека, тряпкой алой
Горит безногого костыль,
И красная – до неба – пыль.

Колеса ржавые скрипят.
Конь пляшет, взбешенный.
Все окна флагами кипят:
Одно – завешено.

Ноябрь 1920

* * *

Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.

Скажет мне Дон: — Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: — Всех слез моих плакать —
не хватит!

Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу — кости не видел белее!

Я журавлем полечу по казачьим станицам:
Плачут! — дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!

Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались.

Череп в камнях — и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.

Ноябрь 1920

* * *

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле — Русь.
Помогите — на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева — ив чрево:
— Мама!

Все рядком лежат —
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

– Кто ты? – белый? – не пойму! – привстань!
Аль у красных пропадал? – Ря – азань.

И справа и слева
И сзади и прямо
И красный и белый:
– Мама!

Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!

Декабрь 1920

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Вопль стародавний,
Плач Ярославны –
Слышите?
С башенной вышечки
Неперерывный
Вопль – неизбывный:

– Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!

Ворон, не сглазь
Глаз моих – пусть
Плачут!

Солнце, мечи
Стрелы в них – пусть
Слепнут!

Кончена Русь!

Игорь мой! Русь!
Игорь!

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел — обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец — плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон — вечный.

Белое тело его — ворон клевал.
Белое дело его — ветер сказал.

Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!

Долетай до городской до стенки,
С коей по миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются колени,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...

— Ветер, ветер!
— Княгиня, весть!

Князь твой мертвый лежит —
За честь!

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
Вопль ее — ярый,
Плач ее, плач —
Плавный:

— Кто мне заздравную чару
Из рук — выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!

Дёрном-глиной заткните рот
Алый мой — нонче ж.
Кончен Белый поход.

5 января 1921

* * *

С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом — по чужим местам
Воины с котомкой!

С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом — битая — в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле — и вся земля
Песнею заздравной.
Это, Игорь, — Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
— Брат мой! — Князь мой! — Сын мой!
— С Новым Годом, молодая Русь
За морем за синим!

Москва, 13 января 1921 г.

— Здесь кончается мой Лебединый Стан. Конечно — я могла бы включить в него всю Разлуку, всего Георгия, и вообще добрую четверть Ремесла — и наверное еще есть — но — я тогда этого не сделала, кончила свой Лебединый Стан — вместе с тем.

.....

М. Ц.

Dives-sur-Mer, 30 августа 1938 г.

Приложение

Рашит Янгиров

К истории издания *Лебединого стана* Марины Цветаевой¹

В Советском Союзе о существовании книги *Лебединый стан* много лет знали лишь по рассказу Ильи Эренбурга. Описывая свою дружбу с Цветаевой в книге *Люди, годы, жизнь*, он бегло коснулся и истории появления за границей ее книги о «Белой Вандее»: «Когда весной 1921 года я поехал одним из первых советских граждан за границу, Цветаева попросила меня попытаться разыскать ее мужа. Мне удалось узнать, что С. Я. Эфрон жив и находится в Праге, я написал об этом Марине. Она воспрянула духом и начала хлопотать о заграничном паспорте. (...) Цветаева везла с собой рукопись книги *Лебединый стан*».

Эта версия была в свое время принята на веру читателями и историками литературы, но теперь она нуждается в радикальном пересмотре. Достоверность этого и других свидетельств Эренбурга не кажется безупречной и вызывает вопросы: публикация полного текста его мемуаров в конце 1980-х продемонстрировала, что все предшествующие издания этой книги подверглись активному редакционному вмешательству, устранившему из нее многие важные эпизоды. К тому же полнота и достоверность воспоминаний были обеднены не столько изъятиями памяти автора, сколько сознательной автоцензурой, которая должна была отвести от него возможные упреки в нелояльности к власти. Но все-таки желание хотя бы назвать читателю крамольную книгу Цветаевой и привести несколько строк из нее было у Эренбурга

¹Источник: газета «Русская мысль», Париж, N 4272, 3 июня 1999 г. [«Мир Марины Цветаевой». Координатор проекта: Ф. Левичев, 1999–2000.]

столь неодолимым, что он пошел на это, прибегнув к полуправде и умолчаниям.

Итак, вернемся к поездке Эренбурга в Европу весной 1921 года. Он начал ее с месячной остановки в столице независимой Латвии, о чем вспоминал так: «Знакомых в Риге у меня не было. Зарядили холодные дожди. Однажды пришел печальный человек, сказал, что открывает издательство, хочет печатать советских авторов, показал мне различные рукописи и купил мой сборник стихов *Раздумья*».

Имя нового знакомого Эренбург не назвал, но оно вдруг обнаруживается в одной из недатированных записей Марины Цветаевой за тот же год, воспроизведенной в ее *Неизданных сводных тетрадах* (Москва, 1997, с. 70): «Рига Николаевская 20, кв. 1 – К<нигоиздательст>во Лира Башкирову». Из комментария к этой записи можно узнать, что Кирилл Александрович Башкиров – журналист, писавший на экономические темы в эсеровских газетах *Воля России* и *Голос России*, издававшихся в Берлине, издатель, выпустивший вышеуказанный сборник стихотворений И. Эренбурга, а также автор книги *Под белым крестом* (Риге, 1922). Но в этом комментарии нет ни слова о том, откуда же Цветаева узнала о существовании этого человека, что их связывало и зачем она внесла его адрес в свою записную книжку.

Разгадать эту загадку помогают архивные документы, раскрывающие подробности литературной жизни Русского зарубежья. Адресат Цветаевой принадлежал к известной в Петербурге семье и был старшим сыном славяноведа, педагога и переводчика А. В. Башкирова, служившего в 1890-е годы в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Через отца он был вхож в академические круги столицы – в частности, был дружен с известным фольклористом и литературоведом Евгением Александровичем Ляцким (1868–1942). Несмотря на диплом Политехнического института, Башкиров примкнул к кооперативному движению и несколько лет прослужил секретарем потребительского общества торгово-промышленных служащих. Ввиду того, что русская кооперация и ее структуры были легальным прикрытием эсеровской партии, есть все основания и его считать активным последователем этого течения революционной мысли. В силу этого вполне логично, что Октябрьский

переворот и начало гражданской войны должны были привести Башкирова в ряды врагов большевизма.

В своей книге *Под белым крестом. (Чему я был свидетелем)* Башкиров ярко описал пережитое им за время похода на Петроград в 1919 г. под знаменами армии Юденича. В ней он, между прочим, припомнил эпизоды, небезынтересные и для истории литературы: свои встречи с А. И. Куприным в период его сотрудничества в газете *Приневский край* и инженером П. А. Садыкером из Гельсингфорса, в недалеком будущем – всемогущим директором-издателем берлинской газеты *Накануне*. После провала кампании вместе с отступавшими частями Белой армии Башкиров попал в Эстонию и в Ревеле начал сотрудничать в местных русских газетах *Свобода России* и *За свободу России*. В начале 1921 г. он перебрался в Ригу, где возобновил переписку с Е. А. Ляцким, после большевистского переворота эмигрировавшим в Финляндию, а оттуда – в Стокгольм, где с 1920 г. он занимался делами издательства *Северные огни*. В своих письмах к нему Башкиров обсуждал не только общественно-политические новости, но и литературные дела (10 его писем к Ляцкому за 1920–1921 гг. хранятся в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге). Следует отметить, что печальный опыт гражданской усабицы вызвал в Башкирове радикальную «смену вех» и повышенный интерес к советской России, заставляя время от времени вести печатную полемику с ее непримиримыми противниками в среде эмиграции. Именно эта мировоззренческая метаморфоза, по-видимому, и была толчком к знакомству Башкирова с едва ли не первым в Риге московским гостем – Эренбургом, который, в свою очередь, сам был озабочен поисками издателей для привезенных им литературных рукописей.

Следом за этой встречей последовало письменное обращение Эренбурга в Стокгольм:

Рига, 1 апреля <19>21

Уважаемый г. Ляцкий,

две недели тому назад я приехал из России и привез ряд рукописей для напеча-

тания. Еду я в Париж, пока сижу здесь и жду визы. Башкиров сказал мне, что Вы ищите для Вашего и <здательств> ва новые вещи — посему и пишу Вам. Я привез:

1. Стихи новые поэтов: Адалис, Антокольского, Брюсов <а>, Буданцев <а>, Герасимова, Дубновой, Есенина, Ивнева, Вяч <есл.> Иванова, Ковалевского, Лившица, <О.> Мандельштама, Маяковского, В. Каменского, Пастернака, В. Ильиной, А. Радловой, Сологуба, <Дир> Туманный, М. Цветаевой, Шкапской, Шершеневича, Мариенгофа, Петникова, Эренбурга, Казина, всего около 85 стихотворений. Половина примерно — рукописи, остальные напечатаны в книгах и изданиях, вышедших в России за последние полгода. — Сборник м <ожет> б <ыть> озаглавлен «из России» или «из Москвы». В тех стихотвор <ениях>, к <о> <т> <о> <р> <ые> затрагивают современность, она передается с различных, порой противоположных точек зрения, — что придает книге абсолютно аполитический характер.

2. Книга лирики поэта Б. Пастернака, *Сестра моя жизнь*. По суждению не только моему, но всех поэтов, с к <о> <т> <о> <р> <ыми> приходилось о ней беседовать, — исключительное явление в русской лирике за последнее десятилетие. Листов 5–6.

3. Книга стихов Марины Цветаевой *Лебединый стан*. Стихи 1917–1921, посвящ <енные> современности. — При всем несогласии с подходом ее, считаю стихи прекрасными. Рукопись. Листа 3–4.

3. Моя новая книга стихов *Раздумья*. 2–3 листа. Рукопись.

4. Моя книга *Портреты русских поэтов* — (Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок, В. Иванов, Сологуб, Кузмин, Маяковский, Ахматова, Есенин, Цветаева, Пастернак, Балтрушайтис, Мандельштам). Статьи <и> очерки поэтов-людей. Листа 4. Рукопись.

Если сие Вас интересует, будьте любезны телеграфировать. Я бы мог в этом случае приехать непосредственно <и> предварительно переговорить с Вами, но, вероятно, трудно получить визу. Во всяком случае, пожалуйста, известите о сборнике принципиально.

С искренним уважением

И. Эренбург

Рига, Гоголевская, Grand Hotel

Таким образом, этот ценный историко-литературный документ с несомненностью демонстрирует, что именно Эренбург был тем, кто вывез книгу Цветаевой из советской России за границу с заданием найти для нее издателя. Однако первая же его попытка исполнить поручение получила неожиданный поворот. Ляцкий, в своей издательской практике ориентировавшийся преимущественно на русский фольклор и классику, к тому времени сворачивал работу в Швеции и подыскивал себе новое пристанище – поближе к центрам эмигрантского сообщества в Европе. Поэтому взять на себя издание сочинений современных русских литераторов, предложенных ему Эренбургом, он либо не мог, либо не захотел. Но тут в дело вмешался посредник – Башкиров, который, по-видимому, оценил их художественные достоинства и предложил себя в качестве издателя.

14 июля 1921 г. пражская газета *Воля России* сообщила читателям, что в рижском «издательском товариществе *Лиры* выходят в свет стихотворные сборники И. Эренбурга *Раздумья* и *Детям*, книга Б. Пастернака *Сестра моя жизнь*, сборник новейших стихотворений *Из России* и книга стихотворений Э. Германа *Московские раздумья*» (стихи этого автора Башкиров, по-видимому, открыл еще до приезда Эренбурга – на страницах выходившей в Риге просоветской газеты *Новый путь*).

Как видно, больше половины названий в этом сообщении совпадают со списком, который Эренбург предлагал Ляцкому, но если сравнить их с его же обращением к издателю берлин-

ского журнала *Русская книга* А. С. Яценко, которому Эренбург написал два месяца спустя из Бельгии после своей высылки из Франции, то в новом перечне уже не упоминаются ни Пастернак, ни Цветаева (*Русский Берлин. 1921–1923*. Париж, 1983, с. 139). Следовательно, эти рукописи или, по крайней мере, их списки остались в Риге и готовились к изданию Башкировым?

У нас нет прямых указаний на то, что *Лебединый стан* должен был выйти в свет под маркой издательства *Лира*, но два весьма весомых свидетельства говорят в пользу именно такого предположения: адрес Башкирова в записной книжке Цветаевой, который она, несомненно, получила от своего «порученца» для связи с издателем, и печатное свидетельство все того же Эренбурга. В очерке о творчестве Цветаевой, написанном в начале следующего года, он писал об этой книге как о *воплощенном* издании, очевидно, будучи уверенным, что рижское издание уже состоялось: «Ваши *напечатанные* книги: *Версты*, *Лебединый стан* (выделено нами. — Р. Я.): Ровный тяжелый путь к перевалу. Мы шли рядом, и, может быть, от этой близости, от того, что Ваш шаг стал для меня шумом ливней и боем сердца, я видел Ваше лицо, но не вглядывался в него» (*Новая русская книга*, 1922, N 2).

(Вероятно, именно этот отзыв послужил поводом для одного из берлинских писем Цветаевой к Эренбургу, которое впоследствии он процитировал в своих мемуарах, завершая краткий рассказ о книге *Лебединый стан*: «Вы хотели от меня одного — меня, то есть костяка, вне плащей и вне кафтанов, лучше всего ободранную. Замысел, фигуры, выявление через — все это для Вас было более или менее бутафорией. Вы хотели от меня главного — без чего я — не я...»)

Однако уверенность Эренбурга оказалась беспочвенной. По каким-то причинам (скорее всего финансовым) Башкиров так и не сумел издать все анонсированные книги, ограничившись лишь одной эренбурговской книгой *Раздумья*. К концу того же года, зная о буме русского книгопечатания в Берлине, он решил перевести туда дела из Риги. Можно думать, что именно он пытался пристроить цветаевскую книгу в берлинское издательство *Огоньки*, объ-

явившее о ее выпуске в начале января 1922 г. (*Русская книга за границей*, 1922, N 1). Однако издательская карьера не задалась Башкирову и в Германии. Либо, потерпев очередной крах, он нашел в Берлине Эренбурга и возвратил ему рукописи невоплощенных изданий, либо это было сделано через Ляцкого, который в то время был в Берлине и встречался там с Цветаевой (между прочим, тогда началось их знакомство, продолжавшееся в Праге и приведшее к выпуску поэмы *Молодец* в 1924 г.).

Один из немногих документов, косвенным образом подтверждающих нашу версию, — письмо Башкирова к П. Н. Милюкову, отправленное из Берлина в Париж 11 декабря 1922 года. В нем он сообщал, что в составе делегации уезжает «по кооперативным делам в Россию», и, представив себя действующим корреспондентом ряда шведских и французских газет, предложил свои услуги газете *Последние новости*, предлагая поставлять туда «бытовые очерки и то, что будет вообще интересно», а кроме того, предложил себя в качестве курьера для переправки конфиденциальной корреспонденции в Россию. Дальнейшие подробности судьбы этого персонажа остаются невыясненными. Известно лишь, что, уехав в Россию, он остался там навсегда и даже приобрел новую специальность, став автором нескольких печатных работ по промыслу лососевых рыб, опубликованных в СССР в 20–40-е годы.

Вернемся еще раз к воспоминаниям Эренбурга. Рассказывая о *Лебедином стане*, он сообщает, что будто бы под влиянием его уговоров Цветаева вообще отказалась от намерения увидеть его напечатанным: «В Берлине я с ней как-то проговорил ночь напролет, и в конце нашего разговора она сказала, что не будет печатать свою книгу. (В 1958 году сборник *Лебединый стан* был издан в Мюнхене.² Уезжая накануне второй мировой войны в Совет-

²Марина Ивановна Цветаева *Лебединый стан, Стихи 1917–1921 гг.* [пригот. к печати Г. П. СТРУВЕ, вступ. стат. Ю. П. ИВАСКА], Мюнхен, 1957 [64 с.]. — См. также Марина Цветаева *The demesne of the swans*, Ardis, Ann Arbor MI, cca 1980 [211 с.]. (*Bi-lingual edition, including the definitive version of the Russian text, established by the editor, with introduction, notes, commentaries, and translated for the first time into English by Robin Kemball.*) [А. Р.]

ский Союз, Цветаева оставила часть своего архива в библиотеке Базеля — «нейтральная страна».) Не знаю, как удалось издателям получить рукопись; преследовали они, конечно, политические цели, нарушив волю Цветаевой — она ведь провела в эмиграции семнадцать лет, много раз ей предлагали издать *Лебединый стан*, она всегда отказывалась».

Это свидетельство тоже следует признать не вполне достоверным и требующим серьезных корректив. Прежде всего в своем рассказе Эренбург ни словом не обмолвился о том, что эмигрантский читатель узнал о существовании этой книги от него самого. В статьях 1921—1922 гг. он неоднократно упоминал о существовании *Лебединого стана* и даже объявил эту книгу одним из «блестящих достижений» русской поэзии последних лет (*Русская книга*, 1921, N 9).

По-видимому, он же инициировал и публикацию избранных стихотворений из *Лебединого стана* в июньском и августовском номерах парижского журнала *Современные записки* за 1921 год. Но можно не сомневаться и в том, что, сменив «вехи» к осени 1922 г., он вполне серьезно уговаривал Цветаеву не издавать книгу, хотя убедить автора ему, безусловно, не удалось. Напротив, Цветаева активно искала пути и способы продвижения книги в печать. Отдельные стихотворения из *Лебединого стана* печатались в газете *Голос России* (Берлин, 1922) и в поэтическом альманахе *Женская лирика* (Берлин, 1923). При посредстве Г. П. Струве (именно он треть века спустя стал публикатором первого полного издания книги, вышедшей в Мюнхене большая подборка стихотворений из *Лебединого стана* была помещена на страницах журнала *Русская мысль* (1922, кн. VIII—XII). Кроме того, Цветаева неизменно включала стихи из *Лебединого стана* и в программы своих выступлений, долго сохраняя надежду на их печатное воплощение. Но неизменно преследовавшие ее предубеждения литературных критиков, особенности художественного вкуса и политических симпатий у потенциальных издателей так и не довели дело до желаемого результата.

Об этом, например, свидетельствует документ, связанный с именем литературоведа, публициста и переводчика Дмитрия Петровича Святополка-Мирского (1890—1939). Как из-

вестно, он познакомился с Мариной Цветаевой и Сергеем Эфроном в начале 1926 г. в Париже через П. П. Сувчинского. В марте того же года Цветаева по приглашению Мирского две недели гостила в Лондоне и выступила там на поэтическом вечере. По его же инициативе в подготовке этого выступления участвовала и его давняя знакомая и покровительница А. В. Тыркова-Вильямс.

В одном из писем к ней Мирский, обсуждая предстоящий приезд Цветаевой в Лондон, несомненно, с ее ведома попытался заинтересовать свою влиятельную корреспондентку творчеством Цветаевой и привлечь ее к изданию *Лебединого стана*:

<Лондон> 15 Torrington Sq WC I

1.3.1926

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна, сейчас получил Ваше письмо и очень Вам за него благодарен. Я и сам, прочтя это место напечатанным, подумал, что без него можно было обойтись. Но я совершенно лишен «дипломатического» такта — не знаю совершенно, что при ком можно и чего нельзя говорить. Говорю это не с вызовом, а самым искренним сожалением, — поверьте, что от своей бестактности больше всего страдаю я сам (практически). Что же касается до существа дела, я думал в данном случае о фактической судьбе Марины Цветаевой — о фактическом бойкоте ее всей эмигрантской прессой после короткого увлечения ей. Она просто загнана в *Волю России*, потому что все другие редакторы от нее отказываются. И как раз именно для своих белых стихов (о Добровольческой Армии) она не может найти издателя! Вина моя, что я не побранил за это именно редактора, а не рядовую эмиграцию. Я бы это сделал, если писал после огромного успеха на вечере в Париже, который показал, что для рядовой эмиграции она очень близка. Но, честно сознаюсь, что этот успех был для меня

(да и для нее) совершенной неожиданностью. Еще раз благодарю Вас за Вашу справедливую строгость.

Преданный Вам

Д. С. Мирский

Можно предположить, что именно эта попытка издания книги упоминалась в уже известном письме Цветаевой к Сувчинскому (15 марта 1926), опубликованном в 7-м томе Собрания сочинений, однако «лоббирование» Мирского не увенчалось успехом. Личное знакомство А. В. Тырковой-Вильямс с Цветаевой, происшедшее в те дни в Лондоне, не только не растопило ее предубеждения к поэту, но, напротив, укрепило его, и попытка Мирского организовать издание *Лебединого стана* при посредстве одной из самых влиятельных представительниц антисоветской эмиграции не увенчалась успехом.

Таким образом, утверждение Эренбурга о нежелании поэта увидеть книгу напечатанной следует отнести лишь к последующим годам, когда в жизнь Цветаевой вошло евразийство. Вот, например, одно из сторонних свидетельств того, как тесно переплелись в судьбе поэта творчество и политика, — интересное еще и тем, что описанное в нем выступление Цветаевой, кажется, еще не было отмечено биографами.

Как известно, к началу 1930 г. евразийское движение разделилось на два враждующих течения. Раскольников, или «левых» возглавлял П. П. Сувчинский, активно пытавшийся оттеснить жившего в Праге основателя движения П. Н. Савицкого от реального влияния на евразийцев в разных странах. Эта борьба за власть велась подспудно и сопровождалась разведкой, доносами и интригами в обоих лагерях. В частности, парижский агент Савицкого Н. Н. Алексеев 10 мая 1930 г. сообщал в одном из писем-донесений в Прагу:

По-видимому, в конце апреля происходило в Париже нечто вроде «съезда» клемарских остатков. Были Малевский, Арапов, Мирский, С. Я. Ефрон. — Послед-

них трех я встретил на Montparnass'e. Видел их Б<орис> Петр<ович> Выше-славцев вместе с Сувчинским. Клепинины вместе с В. Н. Покровским пришли на вечер Марины Цветаевой, пришли рано и расположились рядом в кафе. Вскоре туда же вошли Сувчинский с Араповым. Последний раскланялся, первый же страшно растерялся, уронил палку и быстро из кафе выбежал. На вечере у Цветаевой не было ни того, ни другого, хотя ясно, что они шли туда, так как местность была далекая, кафе не посещается и никуда иначе они идти не могли. С. Я. Ефрон приезжал из санатория специально на это время в Париж и уехал обратно. Что происходило на этом «съезде» — никто не знает. К сожалению, у нас контрразведки нет, но я уверен, что у них она есть.

(ГА РФ. Ф. 5837, оп. 1, ед. хр. 425, л. 11).

В малоизученной пока переписке современников можно обнаружить и немало других свидетельств об активных и многообразных связях Цветаевой с евразийством и евразийцами, но это уже совершенно другой сюжет, не имеющий отношения к трудной истории публикации книги *Лебединый стан* — по определению того же Г. П. Струве, «поэтического памятника добровольческому рыцарству», подобного которому «никто из самих участников Движения не создал».

Робин Кембалл (Лозанна)

Возвращаясь к *Лебединому стану* Цветаевой³

В конце своей «Истории издания *Лебединого стана*» Рашит Янгиров констатирует, что «утверждения Эренбурга о нежелании поэта увидеть книгу напечатанной следует отнести лишь к последующим годам, когда в жизнь Цветаевой вошло евразийство».

Из такой формулировки непосвященный читатель мог бы сделать вывод, что с того момента (т. е. начала 30-х годов) такое «нежелание» (если оно когда-нибудь действительно существовало) оставалось у поэта до конца. Это, конечно, отнюдь не так: перед нами остается бесспорный факт, что, — подготавливая в 1938 г. свой (будущий) «базельский архив», — Марина Цветаева взяла на себя немалый труд переписать в особенную тетрадь своим тщательным почерком полный текст *Лебединого стана* (и *Перекопа*), дописав (при последней поправке 7 января 1939 г.) свою известную просьбу-завет: «Если когда-нибудь — хоть через сто лет — будет печататься, прошу печатать по старой орфографии».

В свете сказанного упрек Эренбурга по адресу «издателей», будто они нарушили волю Цветаевой, является не только безосновательным, но и прямо противоречит фактам. Эренбург делал вид, что не знал, «как удалось издателям получить рукопись», как будто он не понимал, что в свободном мире (в отличие от СССР) такие документы (если авторы не налагают временный запрет) доступны каждому честному и серьезному исследователю. Итак, когда в 1956 г., при визите Г. П. Струве в Базель, Е. Э. Малер попросила меня достать для него фотостат *Лебединого стана* и *Перекопа*, сделать это было очень просто, без малейше-

³Источник: газета «Русская мысль», Париж, N 4277, 8 июля 1999 г. [«Мир Марины Цветаевой». Координатор проекта: Ф. Левичев, 1999–2000.]

го препятствия. Да и вообще — разные и частью противоречивые «откровения» Эренбурга в этом контексте являются до того недостоверными, что, за отсутствием других подобных свидетельств, можно сомневаться, был ли вообще тот период, когда Цветаева отреклась от намерения «увидеть книгу напечатанной».

Как бы то ни было, совершенно ясно, что последний завет еще свободной Цветаевой был за печатание («хоть через сто лет»). Если бы у Глеба Струве (или у меня) было малейшее сомнение насчет ее желаний, то, разумеется, ни он, ни я не взяли бы на себя ответственность публикации. Вопреки Эренбургу, единственная наша забота (далекая от всяческих политических намерений) состояла именно в том, чтобы выполнить одну из ее последних просьб так, чтобы стал доступным всему миру ее любимый *Лебединый стан*.

Оглавление

Лебединый стан	5
Приложение	87
<i>Рашит Янгиров</i>	88
<i>Робин Кембалл</i>	99

